

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

Образованіе имперіи Чингизъ-хана.

(Пробная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 8-го апрѣля 1896 г.).

Быстрое образованіе обширной кочевой имперіи—явленіе, часто повторявшееся въ исторіи Средней Азіи. Вслѣдствіе условій кочевой жизни движеніе, вызванное различными причинами, главнымъ образомъ экономическаго свойства, въ короткое время могло охватить цѣлый рядъ народовъ и распространиться на много тысячъ верстъ, останавливаясь только передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Успѣхъ борьбы съ встрѣчными преградами и вмѣстѣ съ тѣмъ границы кочевой имперіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись количествомъ военныхъ силъ кочевниковъ, степенью энергіи и дарованій ихъ предводителей и степенью могущества тѣхъ политическихъ организацій, которыя имъ приходилось встрѣтить на своемъ пути.

Насколько извѣстно, только три такія имперіи простирались одновременно на восточную и западную часть Средней Азіи: имперія хунновъ во II в. до Р. Хр., имперія тюрковъ въ VI в. и имперія монголовъ въ XIII в. нашей эры; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ народы переходили въ нынѣшній Туркестанъ только послѣ того, какъ были вытѣснены изъ Монголіи новыми завоевателями. Изъ названныхъ государствъ первыя два ограничились объединеніемъ кочевыхъ народовъ и захватомъ тѣхъ культурныхъ областей, которыя всегда больше всего подвергались нападениямъ кочевниковъ; монгольское нашествіе разрушило цѣлый рядъ культурныхъ государствъ на всемъ пространствѣ Азіи, и имперія монголовъ своей обширностью превосходитъ всѣ до сихъ поръ существовавшія государства въ мірѣ.

Чѣмъ объясняются такіе исключительные успѣхи монгольскаго оружія? Въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, что

монгольскія завоеванія не были беспорядочнымъ нашествіемъ дикихъ полчищъ, подавлявшихъ все своею численностью; монгольскіе отряды передвигались по вполне опредѣленнымъ стратегическимъ планамъ, разбивая на пути гораздо болѣе многочисленныя войска культурныхъ народовъ. Еще труднѣе, конечно, было сохранить единство имперіи, состоявшей изъ столькихъ разнообразныхъ элементовъ—задача, которая въ такомъ объемѣ еще не предлагалась ни одному народу и которая казалась бы совершенно непосильной для полудикихъ монголовъ; между тѣмъ единство имперіи было сохранено не только при Чингизъ-ханѣ, но и при его сыновьяхъ и старшихъ внукахъ; послѣ распадѣнія имперіи въ отдѣльныхъ государствахъ преобладаніе монгольскаго элемента сохранялось еще въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Естественно было предположить, что по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ организациіи имперіи личность предводителя полудикихъ кочевниковъ не играла большой роли, т. е. что это дѣло было совершено подъ именемъ Чингизъ-хана его совѣтниками изъ представителей культурныхъ народовъ. Исходя изъ такого взгляда, проф. В. П. Васильевъ въ своей книгѣ «Исторія и древности восточной части Средней Азіи»¹⁾ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ статьяхъ²⁾ старался доказать, что Темучинъ всецѣло находился подъ вліяніемъ китайцевъ и принявшихъ китайскую культуру такъ называемыхъ киданей³⁾. Другіе, какъ покойный проф. И. Н. Березинъ въ своемъ прекрасномъ для того времени изслѣдованіи «Очерки внутренняго устройства улуса Джучіева», отводили главное мѣсто гениальнымъ дарованіямъ Чингизъ-хана и придавали больше значенія «здравому смыслу дикаря», чѣмъ наставленіямъ его культурныхъ совѣтниковъ. Историческія данныя, по нашему мнѣнію, говорятъ скорѣе въ пользу второй теоріи. Какъ ни скудны и сомнительны дошедшія до насъ извѣстія о дѣтствѣ, юности и первыхъ военныхъ подвигахъ Чингизъ-хана, все-таки они намъ даютъ возможность возстановить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, историческую истину. Эти источники слѣдующіе:

1) Официальная редакція монгольскаго преданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно, на основаніи не дошедшаго до насъ монгольскаго сочиненія «Золотая книга» (Алтанъ-дептеръ), вошло въ официальную исторію монго-

1) Труды Вост. Отд. Арх. Общ., т. IV.

2) Ср. З. В. О. IV, 379.

3) Послѣ открытія орхонскихъ надписей можно считать окончательно установленнымъ, что форма *Кидань* есть только китайская транскрипція слова *Китай* — названія народа, по всей вѣроятности, маньчжурскаго происхожденія; какъ извѣстно, этотъ народъ въ X, XI и XII вв. владѣлъ сѣвернымъ Китаемъ, и впоследствии названіе его было перенесено нѣкоторыми народами на всю страну.

ловъ, составленную въ Персіи (именно «Сборникъ лѣтописей» Рашид-эд-дина ¹⁾ и въ Китаѣ (*Юань-ши*, т. е. исторія дин. Юань ²⁾).

2) Монгольское сказаніе XIII в., обнаруженное въ Китаѣ въ концѣ XIV в., при династіи Минь, подъ названіемъ *Юань-чао-ми-ши*, т. е. «секретная исторія династіи Юань» ³⁾. Покойный проф. Березинъ не совсѣмъ удачно назвалъ этотъ крайне любопытный памятникъ «монголо-китайской лѣтописью». На самомъ дѣлѣ онъ скорѣе всего можетъ быть отнесенъ къ героическому, богатырскому эпосу; въ фантастической окраскѣ здѣсь вложена легендарная исторія монголовъ и исторія образованія монгольской имперіи, причѣмъ авторъ имѣетъ въ виду прославленіе не столько царствующей династіи, сколько ея сподвижниковъ изъ степной аристократіи, къ которой онъ относится съ явнымъ пристрастіемъ ⁴⁾ и къ которой повидимому принадлежалъ самъ.

3) Разсказъ китайскаго современника Чингизъ-хана, *Мэнъ-хуна*, переведенный проф. Васильевымъ ⁵⁾.

4) Извѣстія мусульманскихъ современниковъ Чингизъ-хана, главнымъ образомъ собранныя персидскимъ историкомъ *Джусуджани*, сочиненіе котораго (*Табакати-Насири*) издано въ англійскомъ переводѣ Раверти ⁶⁾.

Монгольскій или, какъ онъ самъ себя называлъ въ то время ⁷⁾, татарскій народъ раздѣлялся на множество племенъ, среди которыхъ китайцы различали три группы по степени культурности: бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ татаръ ⁸⁾. Первые, жившіе въ южной Монголіи, около китайской стѣпы, наиболѣе были проникнуты вліяніемъ китайской цивилизаціи. Черные татары, занимавшіе большую часть нынѣшней Монголіи, не находились подъ

1) Введеніе (обзоръ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ) и исторія Чингизъ-хана изданы въ текстѣ и въ русскомъ переводѣ проф. Березинымъ. Въ нашихъ ссылкахъ мы имѣемъ въ виду переводъ, причѣмъ, согласно указателю, составленному проф. В. А. Жуковскимъ, обозначаемъ цифрою I введеніе, цифрами II и III — части 1-ую и 2-ую исторіи Чингизъ-хана (Труды Вост. Отд., ч. XIII и XV).

2) На европейскіе языки до сихъ поръ переведены только сокращенныя изданія Юань-ши; на русскомъ языкѣ см. Іакинъ, Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова, Сиб. 1829 г.

3) Русский перевод арх. Палладія, помѣщенный въ IV т. «Трудовъ Росс. Миссіи въ Пекинѣ», сдѣланъ съ китайскаго; о монгольскомъ подлинникѣ см. статью проф. А. М. Позднѣева въ «Зап. Русск. Археол. Общ.» за 1883 г.

4) См. особенно Тр. Пек. М. IV, 129.

5) Приложение къ упомянутой выше книгѣ «Исторія и древности Средней Азіи».

6) Raverty, Tabakāt-i-Nāsiri, p. 1077.

7) Въ Китаѣ, въ мусульманскомъ мірѣ и въ Европѣ монголы одинаково сдѣлались извѣстными прежде всего подъ именемъ татаръ; еще полководецъ Мухули, происходившій изъ племени чжелдировъ, въ присутствіи Мэнъ-хуна называлъ себя «татарскимъ человѣкомъ» (Тр. В. О. IV, 220).

8) Тр. В. О. IV, 216.

непрерывнымъ воздѣйствіемъ культурныхъ народовъ, представители которыхъ проникали въ эту страну только въ качествѣ торговцевъ. Мѣновая торговля съ кочевниками находилась въ рукахъ туркестанскихъ купцовъ, уйгурскихъ и мусульманскихъ, всегда отличавшихся большей предпримчивостью въ этомъ отношеніи, чѣмъ китайцы. Уйгуры и мусульмане захватили въ свои руки даже торговлю между Монголіей и Китаемъ, т. е. закупали товаръ въ Китаѣ и перепродавали его кочевникамъ; въ рукахъ подобныхъ купцовъ иногда сосредоточивались значительные капиталы ¹⁾. Благодаря этому обстоятельству и благодаря своей сравнительной образованности купцы, конечно, могли оказывать вліяніе на хановъ и черезъ ихъ посредство на народъ; кромѣ того за буддійскими, несторіанскими и мусульманскими купцами, какъ всегда, слѣдовали миссіонеры ихъ религій. Исламъ въ то время еще не достигъ полного господства въ Средней Азіи, и дѣятельной мусульманской пропаганды въ Монголіи не было; среди ближайшихъ туркестанскихъ сосѣдей монголовъ, уйгуровъ, преобладали буддизмъ и христіанство несторіанскаго толка; несторіанскимъ миссіонерамъ удалось обратить въ свою вѣру нѣкоторыя сильныя племена черныхъ татаръ, какъ наймановъ и кераштовъ. Тюркскія имена и титулы мы встрѣчаемъ во всей Монголіи, даже у собственно-татаръ, жившихъ на границѣ Маньчжуріи, около озера Буиръ-норъ ²⁾; можетъ быть это объясняется вліяніемъ не только тюркскихъ современниковъ, но и степныхъ преданій о тюркскихъ каганахъ, владѣвшихъ Монголіей въ прежніе вѣка.

Дикіе татары, которыхъ монголы называли «лѣсными народами», большею частью вели бродячій образъ жизни въ лѣсахъ нынѣшней Забайкальской области и сѣверо-западной Монголіи. Въ глазахъ этихъ дикарей, судя по словамъ Рашид-эд-дина ³⁾, даже жизнь кочевника была такимъ же невыносимымъ рабствомъ, какимъ самому кочевнику кажется жизнь земледѣльца. Шаманизмъ сохранялся здѣсь во всей своей чистотѣ; еще въ эпоху монгольскаго владычества Забайкалье считалось классической страной шаманзма ⁴⁾.

На берегахъ Онона, на границѣ владѣній черныхъ и дикихъ татаръ, около 1155 г. ⁵⁾ родился Темучинъ. Китайцы причисляютъ его къ чернымъ

1) Тр. В. О. IV, 219, 228; Тр. Пек. Миссиіи IV, 95.

2) Въ виду этого мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Howorth'a, который въ такихъ именахъ и титулахъ видитъ доказательство тюркскаго происхожденія того или другого племени. См. History of the Mongols, I, 20—25, 693—700.

3) I, 90.

4) Рашид-эд-динъ I, 142.

5) Такъ по всѣмъ источникамъ, кромѣ китайской официальной исторіи и позднѣйшаго монгольскаго преданія (у Санавъ-сэцэна). См. Рашид-эд-динъ II, 85; Тр. В. О. IV, 217; Tabakāt-i-Nāsiri, p. 1077.

татарамъ; по монгольскому преданію Темучинъ происходилъ изъ рода Кыіотъ, принадлежавшаго къ племени тайджіютовъ, одному изъ лѣсныхъ племенъ ¹⁾. По тѣмъ же легендамъ Темучинъ и его братья въ молодости вели жизнь охотниковъ и рыболововъ. Извѣстія объ отцѣ Темучинѣ, Ёсугай-бахадурѣ, крайне противорѣчивы; по словамъ Мэнъ-хуна ²⁾, онъ былъ простымъ десятникомъ; по монгольскому преданію ³⁾ онъ стоялъ во главѣ чутьли не всѣхъ монгольскихъ племенъ. Последнее во всякомъ случаѣ преувеличено, но нѣкоторая доля исторической истины вѣроятно всетаки заключается въ разсказахъ о подвигахъ Ёсугая и о его борьбѣ съ буиръ-норскими татарами, въ которой онъ наконецъ нашелъ свою смерть ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ онъ совершалъ отдаленные походы, такъ какъ взялъ себѣ жену изъ племени Хунквратъ, жившаго около китайской стѣны, т. е. принадлежавшаго къ бѣлымъ татарамъ ⁵⁾; отъ этой жены родились Темучинъ и его братья.

Каково бы ни было положеніе Ёсугая среди тайджіютовъ, послѣ его смерти его малолѣтніе сыновья (старшему, Темучину, было 13 лѣтъ) были оставлены всѣми и нѣкоторое время вели вмѣстѣ со своей матерью самую тяжелую жизнь, питаясь кореньями, дичью и рыбой ⁶⁾. Но смутное время благопріятствовало возвышенію даровитыхъ личностей; подвиги Темучина, можетъ быть также память о военной славѣ его отца привлекли къ нему нѣсколькихъ молодыхъ людей знатнаго происхожденія, изъ которыхъ впоследствии составилаь его дружина. Во время малолѣтства Темучина было сокрушено могущество рода Монголь, усилившагося въ XII в. и нѣкоторое время казавшагося опаснымъ даже для маньчжурской династіи Цзинь ⁷⁾, т. е. «Золотой», которая въ то время владѣла сѣвернымъ Китаемъ. Противъ монголовъ цзиньцы вооружили буиръ-норскихъ татаръ; но послѣ уничтоженія общихъ враговъ татары, какъ всегда было въ степи, не замедлили стать во враждебныя отношенія къ своимъ прежнимъ союзникамъ и возобновили нападенія на Китай. Цзиньцы теперь вооружили противъ нихъ другихъ кочевыхъ владѣтелей, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ

1) Рашид-эд-динъ I, 89.

2) Тр. В. О. IV, 217.

3) Историкъ Джужджани (Tabakāt-i-Nāsiri, pp. 935—936) тоже говоритъ, что отецъ Чингизъ-хана былъ «главой монгольскихъ племенъ», но изъ его словъ видно, что онъ смѣшиваетъ родного отца Чингизъ-хана съ его названнымъ отцомъ, керантскимъ ханомъ Тогруломъ.

4) Тр. Пек. Миссіи IV, 36.

5) Рашид-эд-динъ, I, 149 и II, 54.

6) Тр. Пек. М. IV, 38.

7) Id. 172—173.

былъ Тогруль, ханъ христіанскихъ кераитовъ; становище его находилось на берегахъ Толы ¹⁾. Темучинъ со своими приверженцами присоединился къ кераитскому хану и былъ его дѣятельнымъ помощникомъ въ борьбѣ съ буирь-норскими татарами, съ найманами, владѣвшими западной Монголіей, и съ мергитами, господствующимъ народомъ въ Забайкальѣ. Когда китайскій императоръ отправилъ войско въ Монголію, чтобы нанести рѣшительный ударъ буирь-норскимъ татарамъ, и пригласилъ кераитскаго хана содѣйствовать уничтоженію общихъ враговъ, Темучинъ принималъ въ этой войнѣ настолько дѣятельное участіе, что послѣ успѣшнаго окончанія предпріятія китайское правительство пожаловало ему почетный титулъ.

Первымъ лицомъ въ восточной Монголіи теперь сдѣлался кераитскій ханъ, получившій отъ китайскаго императора титулъ *вана*, т. е. царя. Повидному онъ не обладалъ способностями, необходимыми для того, чтобы сплотить кочевыя орды въ сколько-нибудь прочный государственный организмъ. Довольствуясь внѣшней покорностью Темучина, онъ не препятствовалъ его дальнѣйшему возвышенію и далъ свое согласіе даже тогда, когда Темучинъ объявилъ себя преемникомъ монгольскихъ кагановъ, возстановилъ названіе рода Монголь и принялъ ханскій титулъ. По богатырскому сказанію, которому не противорѣчатъ ни оффиціальное преданіе ²⁾, ни дальнѣйшій ходъ событій, Темучинъ былъ возведенъ на престолъ группой аристократовъ, среди которыхъ былъ и Алтанъ, сынъ послѣдняго изъ монгольскихъ кагановъ, Хутула-каана. По монгольскому преданію отецъ Темучина, Ёсугай-бахадуръ, былъ племянникомъ Хутула-каана; очень возможно, что это родство было придумано Темучиномъ только теперь, съ цѣлью бѣльшаго обоснованія своихъ правъ. Любопытна формула присяги богатырей Темучину, приведенная въ богатырскомъ сказаніи ³⁾: «Когда ты будешь царемъ, то въ битвахъ съ многочисленными врагами мы будемъ передовыми и, если возьмемъ въ плѣнъ прекрасныхъ дѣвицъ и женъ, да добрыхъ коней, то будемъ отдавать ихъ тебѣ. Въ облавахъ на звѣрей мы будемъ выступать прежде другихъ и пойманныхъ нами звѣрей будемъ отдавать тебѣ». Въ такихъ же словахъ самъ Темучинъ по преданію опредѣлялъ свои заслуги по отношенію къ своимъ приверженцамъ: «Я бралъ много табуновъ, стадъ, кибитокъ, женъ и дѣтей народа и отдавалъ ихъ вамъ; для васъ я на степной охотѣ устранивалъ переходъ и облаву и гналъ въ вашу

1) Id. 49.

2) У Рашид-эд-дина (II, 139) даже есть прямое указаніе на это событіе, также въ китайской исторіи (Лакиневъ, Ист. чет. хановъ, стр. 28).

3) Тр. Пек. М. IV, 62.

сторону горную дичь»¹⁾. Такимъ образомъ права и обязанности предводителя монгольской аристократіи опредѣлены совершенно ясно: ханъ ведетъ своихъ сподвижниковъ къ побѣдамъ, начальствуетъ надъ ними въ походахъ и на общей охотѣ и за это получаетъ лучшую часть добычи.

Въ то время, какъ степная аристократія провозгласила своимъ предводителемъ Темучина, простой народъ, искавшій не богатства и славы, а дневнаго пропитанія, сплотился вокругъ другой личности, именно вокругъ *Чжамухи*, одного изъ начальниковъ племени *Джаджиратъ*. Въ официальномъ преданіи Чжамуха является только ловкимъ интриганомъ, который отовсюду возбуждаетъ враговъ противъ Темучина и наконецъ подвергается варварской казни, которую онъ самъ предназначалъ Темучину, если бы тотъ попалъ въ его руки²⁾. Иначе изображены отношенія обоихъ соперниковъ въ богатырскомъ сказаніи, которое вообще относится къ личности монгольскаго народнаго вождя съ явной симпатіей, не смотря на его отступничество отъ интересовъ аристократіи.

Темучинъ и Чжамуха въ дѣтствѣ заключили между собою союзъ тѣсной дружбы и считались *андами*, т. е. названными братьями (объ этомъ впрочемъ говорится и въ официальномъ преданіи). Однажды Чжамуха обратился къ своему другу со слѣдующими словами: «Если мы остановимся у горы, то пасущіе коней достанутъ юрты; если подлѣ потока, то пасущіе овецъ и ягнятъ достанутъ пищи для горла»³⁾. По словамъ автора сказанія, Темучинъ не понялъ настоящаго смысла этихъ словъ, но они возбудили въ немъ невольное подозрѣніе, и по совѣту матери онъ покинулъ своего друга. На нашъ взглядъ смыслъ пророчества, приписаннаго Чжамухѣ, ясенъ: пасущіе коней — степная аристократія; пасущіе овецъ и ягнятъ, думающіе только о «пищѣ для горла» — простой народъ, на сторону котораго, въ противоположность Темучину, становится Чжамуха⁴⁾. Такимъ же образомъ въ приписанныхъ Чингизъ-хану изреченіяхъ⁵⁾ «ловкіе и проворные» табунщики противопоставляются «несвѣдущимъ» овечьимъ пастухамъ, которые всегда составляли низшій слой въ кочевомъ обществѣ. Темучина провозгласили ханомъ богатыри различныхъ племенъ; вокругъ Чжамухи въ

1) Рашид-эд-динъ II, 139. Переводъ исправленъ по тексту, стр. 225—226.

2) Рашид-эд-динъ I, 201—204.

3) Труды Пек. М. IV, 59.

4) Что касается противопоставленія потока горѣ, то Темучинъ дѣйствительно былъ провозглашенъ ханомъ въ горномъ урочищѣ (Тр. Пек. М. IV, 45, 61), Чжамуха — на берегу рѣки Аргуни. Какъ извѣстно, и теперь всѣ сколько-нибудь самостоятельные кочевники удаляются на лѣто въ горы, и только бѣднѣйшая часть населенія остается круглый годъ на берегахъ рѣкъ.

5) Рашид-эд-динъ III, 121.

1201 г. собрались улусы, не желавшіе подчиниться ни Темучину, ни его названному отцу — Вань-хану керайтскому; они присягнули Чжамухъ, который принялъ титулъ *урхана* ¹⁾, принадлежавшій кара-китайскому императору, владѣтелю страны отъ границъ Китая до Аральскаго моря, отъ Иртыша до Аму-Дарьи.

Демократическое движеніе было подавлено, и предводитель его сталъ вести жизнь искателя приключеній; но вскорѣ произошли раздоры среди самой аристократіи. На сторонѣ Темучина оставались его первые приверженцы, возвысившіеся вмѣстѣ съ нимъ; но Алтанъ, сынъ Хутула-каана, и другія лица, которые по происхожденію были знатнѣе Темучина и добровольно уступили ему первенство (вѣроятно въ расчетѣ, что это первенство останется номинальнымъ), теперь почувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ; такой человекъ, какъ Темучинъ, не могъ править иначе, какъ самовластно, и долженъ былъ требовать безусловной покорности даже отъ самыхъ знатныхъ своихъ подданныхъ. Алтанъ и другіе недовольные соединились съ Чжамухой; имъ удалось склонить на свою сторону керайтскаго хана и его сына, носившаго китайскій титулъ *сянгуна*. Между Темучиномъ и керайтскимъ царствующимъ домомъ еще раньше произошло охлажденіе, такъ какъ Вань-ханъ и его сынъ отказались вступить въ родство съ Темучиномъ и этимъ окончательно утвердить его положеніе. Теперь союзники убѣдили Вань-хана, что Темучинъ тайно сводится съ его врагами, найманами. Положеніе Темучина нѣкоторое время было очень трудно; съ небольшой кучкой приверженцевъ онъ долженъ былъ удалиться къ озеру Балджуна, около низовьевъ Аргунн, гдѣ терпѣлъ большія лишения. Впослѣдствіи эти вѣрные сподвижники Темучина получили названіе *Балджунту*, и ихъ потомки пользовались различными привилегіями ²⁾. Эта кучка приверженцевъ состояла не только изъ монголовъ; среди нихъ были и мусульманскіе купцы, находившіеся на службѣ у Темучина, какъ Джафаръ-ходжа, упомянутый въ китайской исторіи ³⁾, и Хасанъ, упомянутый въ богатырскомъ сказаніи ⁴⁾. Не безъ хитрости и вѣроломства Темучину удалось и изъ этой борьбы выйти побѣдителемъ; Вань-ханъ и его сынъ бѣжали въ страну наймановъ, гдѣ были убиты, и въ восточной Монголіи Темучинъ уже не имѣлъ соперниковъ.

1) Рашид-эд-динъ II, 124. Тр. Пек. М. IV, 69—70.

2) Рашид-эд-динъ II, 133.

3) О немъ см. Douglas, The life of Jenghis Khan (Lond. 1877), p. 38; Тр. В. О. IV, 223, гдѣ по ошибкѣ сказано *уйгуръ* вм. *мусульманинъ* (китайское слово, какъ извѣстно, имѣетъ то и другое значеніе); Тр. Пек. М. IV, 210—211; Tabakāt-i-Nāsiri p. 954.

4) Тр. Пек. М. IV, 95, 210.

Чжамуха сдѣлалъ попытку вооружить противъ Темучина западныхъ монголовъ, наймановъ; съ своей стороны Таянь-ханъ найманскій предложилъ союзъ противъ Темучина *онгутамъ*, т. е. бѣлымъ татарамъ, которые однако предпочли добровольно покориться повелителю восточной Монголіи. Силы наймановъ черезъ нѣсколько лѣтъ тоже были сокрушены; Чжамуха сдѣлался атаманомъ разбойничьей шайки и наконецъ былъ выданъ собственными людьми Темучину. Въ противоположность Рашид-эд-дину монгольское богатырское сказаніе придаетъ этой встрѣчѣ бывшихъ друзей и послѣднимъ днямъ жизни Чжамухи тотъ же романтической ореолъ, которымъ вообще окружена личность народнаго вожда монголовъ. Съ тяжелымъ чувствомъ Чжамуха поднялъ оружіе противъ Темучина, но и тутъ тайно оказывалъ услуги своему *аньдѣ* и предупреждалъ его о намѣреніяхъ враговъ; оттого Темучинъ хотѣлъ теперь помиловать его и предлагалъ ему, забывъ прошлое, возобновить старую дружбу. Чжамуха отвѣтилъ, что не можетъ быть искреннимъ товарищемъ Темучина и по неволѣ всегда останется предметомъ безпокойства для аньды; поэтому ему лучше умереть, и онъ проситъ себѣ только одной милости: пусть Темучинъ позволитъ ему умереть безъ пролитія крови; тогда его душа, сохранившая свою цѣлость (душа, по монгольскому вѣрованію, заключалась въ крови) будетъ геніемъ-покровителемъ потомковъ Темучина. Желаніе его было исполнено, послѣ чего Темучинъ устроилъ своему сопернику торжественныя похороны ¹⁾.

Послѣ разгрома наймановъ и плѣненія Чжамухи объединеніе монгольскаго народа и образованіе кочевой имперіи Чингизъ-хана могло считаться совершившимся фактомъ; покореніе «лѣсныхъ народовъ» и другихъ мелкихъ племенъ было совершено безъ труда отдѣльными монгольскими полководцами. О томъ, въ какое время Темучинъ впервые назвалъ себя «Чингизъ-ханомъ» и когда произошелъ обрядъ его торжественнаго восшествія на престолъ, до насъ дошли противорѣчивыя извѣстія. Официальное преданіе ²⁾ относитъ этотъ фактъ къ 1206 г., послѣ пораженія наймановъ, хотя приводится также извѣстіе нѣкоторыхъ лѣтописей, по которымъ событіе произошло въ 1203 г., послѣ побѣды надъ кераитами ³⁾. По богатырскому сказанію ⁴⁾ Темучинъ принялъ титулъ Чингизъ-кагана еще тогда, когда небольшая кучка его аристократическихъ приверженцевъ провозгла-

1) Тр. Пек. М. IV, 112—114.

2) Рашид-эд-динъ III, 8, 112. Ист. чет. хановъ, стр. 35.

3) Рашид-эд-динъ III, 110—111.

4) Тр. Пек. М. IV, 62, 174; слово *каганъ* есть въ монг. текстѣ, какъ мнѣ сообщилъ проф. А. О. Ивановскій.

сила его своимъ главою; но и по этому источнику¹⁾ Чингизъ-ханъ въ 1206 г. «водрузилъ знамя съ девятью бѣлыми хвостами и возсѣлъ царемъ», такъ какъ къ этому времени онъ «собралъ подъ свою власть народы разныхъ улусовъ». Тогда же получила окончательное устройство личная гвардія Чингизъ-хана, составлявшая главную опору его власти.

Такимъ образомъ Чингизъ-ханъ не былъ «народнымъ вождемъ» въ настоящемъ значеніи этого слова, и созданный имъ государственный строй носилъ строго-аристократическій характеръ. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить приписанныя Чингизъ-хану изреченія съ орхонскими надписями, въ которыхъ оставили свой завѣтъ народу каганы, обязанные своимъ возвышеніемъ демократическимъ элементамъ²⁾. Авторъ надписей нѣсколько разъ повторяетъ, что при вступленіи на престолъ кагана народъ не имѣлъ пищи въ желудкѣ, не имѣлъ одежды на тѣлѣ, что благодаря трудамъ и подвигамъ кагана бѣдный народъ сталъ богатымъ, малочисленный народъ — многочисленнымъ³⁾. Съ другой стороны Чингизъ-ханъ настаиваетъ на томъ, что до него въ степи не было никакого порядка; младшіе не слушали старшихъ, подчиненные не уважали начальниковъ, начальники не исполняли своихъ обязанностей относительно подчиненныхъ; Чингизъ-ханъ, вступивъ на престолъ, ввелъ строгій порядокъ и указалъ каждому свое мѣсто⁴⁾. Во всѣхъ своихъ наставленіяхъ Чингизъ-ханъ обращается только къ членамъ ханскаго рода, къ вельможамъ и начальникамъ, а не ко всему народу, подобно тюркскому кагану.

Оближеніе съ культурными народами не измѣнило основныхъ началъ этого государственнаго строя. Мы видѣли, что въ войскѣ Чингизъ-хана еще во время борьбы съ кераитами были отдѣльные представители культурныхъ народовъ изъ купцовъ, торговавшихъ въ степи, причемъ преданіе называетъ два мусульманскихъ имени; кромѣ того Темучинъ въ странѣ наймановъ нашелъ уйгурскаго «хранителя печати» (по-тюркски *тамачи*, отъ слова *тама* = печать), который познакомилъ его съ употребленіемъ печати и вообще съ началомъ письменнаго дѣлопроизводства; обо всемъ этомъ Темучинъ до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія. Теперь онъ принялъ этого уйгура къ себѣ на службу и велѣлъ ему обучать уйгурской письменности знатныхъ монгольскихъ юношей, между прочимъ сыновей самого Чингизъ-

1) Тр. Пек. М. IV, 114.

2) Түрк кара камыб будун; Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, p. 9; Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, p. 100.

3) Radloff, 13, 17, 19.—Thomsen, 103, 106—108.

4) Рашид-эд-динъ III, 120—121.

хана ¹⁾. Что касается вліянія китайцевъ, то о немъ въ монгольскомъ преданіи не говорится ни слова. Разсказъ Мэнъ-хуна показываетъ только, что уже китайскіе современники Чингизъ-хана, по всегдшнему обыкновенію китайцевъ, старались объяснить успѣхи монгольскаго завоевателя китайскимъ вліяніемъ и съ этой цѣлью придумывали факты; такой характеръ имѣетъ извѣстіе ²⁾, что Темучинъ въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ цзиньскими войсками и болѣе 10 лѣтъ провелъ въ Китаѣ; едва-ли возможно, чтобы монгольское преданіе не сохранило ни одного намека на періодъ въ жизни Чингизъ-хана, продолжавшійся цѣлыхъ 10 лѣтъ. Проф. В. П. Васильевъ ³⁾ приписываетъ Мэнъ-хуну мнѣніе, что самое слово *Чингизъ* есть искаженіе китайскихъ словъ Тянь-цы («дарованный небомъ»); но Мэнъ-хунъ не высказываетъ этого мнѣнія отъ своего имени, а только приводитъ его съ прибавленіемъ словъ: «нѣкоторые говорятъ» ⁴⁾; очевидно мы имѣемъ здѣсь только китайскую народную этимологію. Если бы этотъ титулъ, согласно мнѣнію проф. Васильева, былъ заимствованъ Темучиномъ непосредственно отъ китайскихъ перебѣжчиковъ, то едва ли онъ могъ бы такъ скоро исказиться въ произношеніи настолько, что его еще при жизни Чингизъ-хана перестали понимать сами китайцы; между тѣмъ уже въ то время этотъ титулъ въ китайской транскрипціи является въ формѣ *Чэнъ-цы-сы* ⁵⁾. Какъ поздно стало проявляться непосредственное вліяніе китайской культуры на монголовъ, видно изъ словъ самого Мэнъ-хуна ⁶⁾, что монголы только въ 1219 г., т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ своего перваго похода на Китай, начали употреблять китайскія письмена въ перепискѣ съ китайскими правительствами; раньше даже эти документы писались исключительно по-уйгурски. Разница между монголами и народами, находившимися подъ непосредственнымъ и исключительнымъ вліяніемъ китайской культуры, нагляднѣе всего видна изъ слѣдующаго примѣра: кара-китай приняли китайскую систему подворнаго обложенія и принесли ее съ собой въ мусульманскія страны ⁷⁾; монголы въ самомъ Китаѣ, не смотря

1) Abel-Rémusat, Nouveaux mélanges asiatiques II, 61. Джувеини (рук. Публ. библ. IV, 2, 34, л. 9) тоже говорить, что по приказанію Чингизъ-хана монгольскіе юноши должны были учиться уйгурской грамотѣ.

2) Тр. В. О. IV, 218.

3) Тр. В. О. IV, 140. З. В. О. IV, 379.

4) Тр. В. О. IV, 218.

5) Ibid. 229. По мнѣнію проф. Васильева Темучинъ далъ названіе Тянь-цы «годамъ своего правленія»; между тѣмъ самъ Мэнъ-хунъ категорически утверждаетъ, что монголы «вовсе не знали, что такое названіе династїи и лѣтъ правленія» (Тр. В. О. IV, 220).

6) Ibid. 219.

7) Ibn-el-Athiri Chronicon, ed. Tornberg XI, 04.

на сопротивление китайской бюрократии, старались ввести подушную подать ¹⁾.

О словѣ *Чингизъ* у самихъ монголовъ было преданіе, слышанное еще предшественникомъ Рашид-эд-дина, Джувейни ²⁾, по которому Темучинъ получилъ такой титулъ отъ шамана *Кокчу*, носившаго прозваніе *Тѣб-тенгри*, т. е. «восходящаго на небо». Въ виду этого получаетъ большое вѣроятіе мнѣніе Банзарова; по этой гипотезѣ слово *Чингизъ* было названіемъ одного изъ духовъ, которымъ поклонялись шаманы: въ одной монгольской рукописи Банзаровъ нашелъ названіе духа *Хаджиръ-Чингизъ-тенгри* ³⁾.

Союзъ *Чингизъ-хана* съ *Тѣб-тенгри*, выразившійся въ томъ, что мать *Чингиза*, *Олунъ-эхэ*, вышла за отца *Кокчу*, несомнѣнно былъ пріятель аристократическимъ приверженцамъ *Чингизъ-хана*. Фантастическіе рассказы, проникнутые суевѣрнымъ поклоненіемъ этому шаману, *Джувейни* слышалъ именно отъ *знатныхъ* монголовъ ⁴⁾; по происхожденію *Кокчу* по видимому тоже принадлежалъ къ высшей аристократіи. Разумѣется, *Чингизъ-ханъ* лично былъ свободенъ отъ суевѣрнаго почитанія шамановъ и руководился только политическимъ разсчетомъ; когда вліяніе *Кокчу* настолько усилилось, что грозило ослабить авторитетъ самого хана, послѣдній устранилъ шамана такъ-же просто, какъ прежде устранилъ своихъ соперниковъ изъ высшей аристократіи. Изъ такихъ же политическихъ разсчетовъ *Чингизъ-ханъ*, не смотря на свое личное сближеніе съ мусульманами, съ христіанскими и буддійскими уйгурами, остался ревностнымъ послѣдователемъ народныхъ обычаевъ, которые пользовались одинаковымъ уваженіемъ у всѣхъ монголовъ, даже у тѣхъ, которые называли себя христіанами ⁵⁾; между тѣмъ во имя культурныхъ религіозныхъ идей Темучинъ могъ бы собрать вокругъ себя только незначительное число приверженцевъ. Даже принятіе уйгурской письменности прежде всего послужило не для перевода на монгольскій языкъ памятниковъ чужой литературы, но для кодификаціи монгольскаго обычнаго права. Совершенно въ духѣ аристократическаго строя имперіи какъ сводъ обычнаго права, такъ и хроника монгольскихъ племенъ, составленная по приказанію *Чингизъ-хана* или его ближайшихъ преемниковъ, хранились въ величайшей тайнѣ отъ непосвящен-

1) Ист. чет. хановъ, стр. 264.

2) Рук. Публ. библ. IV, 2, 34, л. 14.

3) Банзаровъ, Черная вѣра и другія статьи, изд. Г. Н. Потанина (Сиб. 1891), стр. 12—13.

4) *از مغولان معتبر شنیده ام*

5) Въ монгольскомъ преданіи керанты, найманы и ихъ государи вездѣ являютя такими же степенями, какъ остальные жители Монголіи.

ныхъ, и доступъ къ этимъ книгамъ былъ открытъ только членамъ ханскаго рода и немногимъ вельможамъ¹⁾.

Для управленія осѣдлыми народами Чингизъ-хану были необходимы образованные люди, которыхъ онъ не могъ найти среди своихъ монголовъ; постоянныя войны и дѣла управленія не оставляли ему также довольно времени, чтобы самому усвоить необходимыя знанія и руководить чиновниками изъ уйгуровъ, мусульманъ и китайцевъ; до насъ дошло свидѣтельство современниковъ, что Чингизъ-ханъ до конца жизни не зналъ ни одного языка, кромѣ монгольскаго²⁾. Но онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы его преемники не находились въ такой зависимости отъ иноплеменныхъ чиновниковъ; съ этой цѣлью онъ позаботился о доставленіи образованія своимъ сыновьямъ и вообще юному поколѣнію монгольской знати. Итакъ, по мысли Чингизъ-хана, въ слѣдующемъ поколѣніи гражданское управленіе должно было быть устроено на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ при немъ было устроено управленіе военное. По справедливому замѣчанію проф. Березина³⁾ гениальные планы монгольскаго хана потерпѣли крушеніе вслѣдствіе одного обстоятельства, котораго онъ не могъ предвидѣть, именно вслѣдствіе несовмѣстимости цивилизаціи съ кочевымъ бытомъ. Эта несомѣстимость отвергалась нѣкоторыми учеными, напр. Григорьевымъ⁴⁾, который указывалъ на то, что у кочевниковъ больше досуга, чѣмъ у осѣдлыхъ народовъ, т. е. больше остается времени для умственныхъ интересовъ; но съ другой стороны кочевнику недостаетъ привычки къ упорному труду, которая вырабатывается цѣлыми поколѣніями и безъ которой невозможно усвоеніе умственной культуры. Еще при жизни Чингизъ-хана были отдѣльные монгольскіе юноши, усвоившіе себѣ внѣшнюю сторону цивилизаціи и говорившіе на нѣсколькихъ языкахъ⁵⁾; но число монголовъ, способныхъ занимать культурныя должности, всегда было очень незначительно,

1) Во время чтенія лекціи мнѣ было замѣчено, что такой обычай искони существовалъ у китайцевъ. Во всякомъ случаѣ не лишено значенія, что Чингизъ-ханъ принялъ этотъ обычай, котораго не было у народовъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ монголы, подчинившихся вліянію китайской культуры. Въ орхонскихъ надписяхъ каганъ (о демократическомъ происхожденіи этой династіи см. выше) ставитъ могильный памятникъ при участіи китайцевъ, но на памятникѣ пишетъ исторію успѣховъ и неудачъ своего народа и приглашаетъ весь народъ читать ее (Radloff, Inschriften, 36. Thomsen, Inscriptions, 118). Очевидно, эти тюрки, въ противоположность монголамъ, не скрывали отъ народа ни могилъ хановъ, ни преданій родной старины.

2) Тавакѣт-и-Нәсігі, р. 1114. Съ китайцемъ Чанъ-Чунемъ Чингизъ-ханъ объяснялся при посредствѣ переводчика (Тр. Пек. М. IV, 331) — лучшее доказательство, что китайское извѣстіе о десятилѣтнемъ пребываніи Темучина въ Китаѣ несогласно съ истиной.

3) Очерки внутренняго устройства улуса Джучіева, стр. 21.

4) О скинскомъ народѣ Сакахъ, стр. 61 слѣд.

5) Тр. В. О. IV, 222.

и эти должности до конца монгольского владычества остались въ рукахъ уйгуровъ, персовъ и китайцевъ. Вопреки мысли Чингизъ-хана его преемники по прежнему нуждались въ услугахъ культурныхъ иноплеменниковъ, не умѣя въ то же время пользоваться ими съ такою осмотрительностью и систематичностью, какъ геніальный основатель имперіи. Чингизъ-ханъ отдалъ предпочтеніе уйгурской цивилизаціи, очевидно потому, что она была ближе всего кочевникамъ; среди уйгуровъ было много остатковъ кочевыхъ преданій и степныхъ обычаевъ ¹⁾. Уйгурской письменности одинаково обучалось все молодое поколѣніе монгольской знати; итакъ усвоеніе этой культуры не разрушало ни единства этого сословія, ни его преданности степнымъ традиціямъ. Преемники Чингизъ-хана, продолжая давать образованіе своимъ сыновьямъ, не слѣдовали въ этомъ отношеніи никакой системѣ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ, между прочимъ даже въ семьѣ втораго кагана, Угэдэя ²⁾, одни сыновья получали христіанско-уйгурское воспитаніе, другіе — мусульманское, что, конечно, могло только содѣйствовать раздорамъ и междоусобіямъ, и безъ того вызваннымъ расширеніемъ предѣловъ имперіи и отсутствіемъ солидарности интересовъ. Единство имперіи сохранялось до тѣхъ поръ, пока еще было живо вліяніе личности ея основателя, пока еще дѣйствовали воспитанные имъ люди, что продолжалось еще лѣтъ 30 послѣ его смерти: Чингизъ-ханъ прожилъ 72 года и выбиралъ себѣ помощниковъ изъ своихъ младшихъ современниковъ съ такимъ же умѣніемъ, какъ изъ своихъ сверстниковъ. Только послѣ того, какъ сподвижники Чингизъ-хана окончательно сошли со сцены и вмѣсто нихъ появились новые люди, воспитанные при иныхъ условіяхъ, имперія подверглась вліянію разлагающихъ элементовъ.

Это распаденіе имперіи на нашъ взглядъ находится въ связи съ распаденіемъ рода, основной экономической единицы у кочевыхъ племенъ. Понятіе о родовой собственности, господствовавшее въ частной жизни, было перенесено и на государство, которое считалось собственностью всего хан-

1) См. уйгурскія легенды (по Джувеини) у Радлова, Kudatku-Rilik, Einleitung, p. XLI sq. — Къ вопросу объ уйгурахъ (Сиб. 1893 г.) стр. 56 слѣд. — Изъ степныхъ обычаевъ, сохранившихся у уйгуровъ, укажемъ на обычай жениться на вдовѣ отца; см. Джувеини, рук.

Публ. Библ. IV, 2, 34, л. 184: *رسم مغولان وایغوران بر آنست که پسر بر زن پدر حاکم باشد و بزوجهٔ تصرف نماید.*

2) Христіанское воспитаніе, какъ извѣстно, получилъ преемникъ Угэдэй, Гуюкъ, мусульманское — младшій сынъ Угэдэя, Меликъ (о немъ см. Рашид-эд-динъ, рук. Аз. Муз. а 566, л. 174).

скаго рода ¹⁾. Такое обогащеніе рода, при которомъ отдѣльный членъ его уже не нуждался въ другихъ, по необходимости ослабляло родовую солидарность; такъ въ орхонскихъ надписяхъ каганъ, желая изобразить богатство своего народа, говоритъ: «Младшій братъ не зналъ старшаго, сынъ не зналъ отца» ²⁾. Вслѣдствіе расширенія предѣловъ имперіи, т. е. общей собственности Чингизидовъ, такой моментъ наступилъ и для ханскаго рода; отдѣльные царевичи получили возможность поддерживать свою власть въ покоренныхъ областяхъ безъ помощи своихъ родичей; не сдерживаемые больше вліяніемъ такой могучей, однаково авторитетной для всѣхъ личности, какой былъ Чингизъ-ханъ, они скоро сдѣлались главами самостоятельныхъ государствъ, между которыми не замедлили начаться братоубійственныя войны.

1) Это понималъ уже Джувейни, рук. IV, 2, 34, л. 15: هرچند از روی ظاهر حکم و مملکت یک کس راست که باسم خانیت موسوم باشن اما از روی حقیقت همه اولاد واحفاد واعمام در مالک و مال و ملک مشترکند

2) Radloff, Inschriften, p. 54. Thomsen, Inscriptions, p. 105. Кажется, наше толкованіе проще и болѣе согласно съ контекстомъ, чѣмъ толкованіе проф. Томсена (p. 150): Les Turcs avaient causé, parmi les peuples soumis, de ces bouleversements qui font dire, dans un poème téléoute sur la fin du monde et les révolutions dont elle est témoin: Le père ne connaîtra pas son enfant, l'enfant ne connaîtra pas son père.

В. Бартольдъ.